

А.М. Сунгурский

КАСПИЙСКОЕ ЗОЛОТО

16+

А.М. Сунгурский

Каспийское золото

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Каспийское золото / А. Сунгурский — «Автор», 2026

1910 год. На дне Каспия лежит пароход с золотом. Антонина Дубровина закладывает дом, чтобы снарядить экспедицию: часть груза принадлежала её покойному мужу, а оставшиеся после него долги вполне настоящие. Водолаз Савелий Неверов берётся за работу, которая может сделать его богатым. Есть только одно обстоятельство, о котором он предпочёл промолчать: после аварии он уже два года не спускался под воду. Найти затонувшее судно трудно. Добраться до ящиков ещё труднее. А рядом появляется вторая экспедиция, которой руководит человек, когда-то спасший Савелию жизнь. У каждого здесь свои права на золото, свои обязательства и своя цена риска. Но воздух человеку внизу подают чужие руки — и никакие деньги не позволяют обойтись без доверия. Исторический роман о поисках сокровищ, соперничестве и любви, которая начинается среди тяжёлой работы, страха и очень земных желаний.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Воздух за деньги	5
Глава 2. Шесть чужих печатей	12
Глава 3. Проверочный спуск	18
Глава 4. Тот, кто держит линь	24
Глава 5. За выходом из Волги	31
Глава 6. Человек с другого борта	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

А.М. Сунгурский

Каспийское золото

Глава 1. Воздух за деньги

Савелий остановил мальчишку на третьем обороте.

— Не крути.

Митька послушно повис на рукояти помпы. Он был слишком лёгок для этой работы и каждое движение начинал всем телом, от самых пяток. На голых щиколотках засохла волжская грязь.

— Я ровно, — сказал он.

— Знаю. Отпусти.

Савелий прислушался ещё раз, уже к тишине внутри насоса, и снял ладонь с выхода для воздушного шланга. Хозяин помпы, пристанский подрядчик Архип Семёнович, стоял в дверях мастерской, загородив свет. От него пахло махоркой, свежим хлебом и той хорошей жизнью, в которой неисправные вещи можно было отдать другому человеку.

— Ну? — спросил он. — Свистит же.

— Свистит.

— Чего ещё надо?

Савелий посмотрел на него снизу вверх. Подрядчик держал зажатый под мышкой картуз, словно пришёл в церковь. Это почтение распространялось на тесную мастерскую и дорогие инструменты, но на человека, который сидел перед ним на корточках, уже не вполне.

— Вам — ничего. Тому, кого спустите, воздуха мало будет.

— В прошлом году хватало.

— В прошлом году у вас и ломовая кобыла жива была.

Митька засмеялся и сразу закашлялся, встретив взгляд подрядчика.

Помпу привезли утром на телеге, вместе с бухтой старого шланга и обидой на цену ремонта. Архип Семёнович заранее сказал, что починка не должна выйти дороже семи рублей: его человек вчера всё осмотрел и нашёл только одну дурную прокладку. Савелий ничего не ответил. За час он успел убедиться, что человек подрядчика осмотрел главным образом наружную краску.

Теперь на верстаке лежали вынутые детали. В раскрытую дверь тянуло теплом, в котором ещё сохранялась ночная сырость. Астрахань просыпалась рано; с воды доносились гудки, за стеной стучали по железу, и кто-то уже третий раз требовал вернуть бочку, которую никому не давал.

— К вечеру сделаешь? — спросил подрядчик.

— Сделаю, когда будет чем.

— У тебя здесь целая лавка.

Савелий поднялся. Колено хрустнуло, и он с досадой потянул ногу, прежде чем подойти к верстаку. Ему было тридцать девять, но после долгого сидения на холодных досках тело успевало предложить и другой возраст.

— Вот ваше кольцо. Видите край?

— Вижу.

— Это я его уже снял. Оно в руке рассыпалось. И там не одно такое.

Подрядчик взял чёрный обломок, помял пальцами и вытер их о штанину.

— Так скажи, сколько.

Савелий назвал сумму. Архип Семёнович покосился на Митьку, будто при свидетеле его ограбили особенно бессовестно.

— За эти деньги новую куплю.

— Купите. Эту заберите, у меня проход будет.

Они помолчали. У подрядчика не было денег на новую помпу; у Савелия не было другого крупного заказа на эту неделю. Оба это понимали и потому могли ещё немного постоять, рассматривая друг друга без удовольствия.

— Девять, — сказал Архип Семёнович.

— Двенадцать. За работу и то, что поставлю. Если придётся менять больше, сначала позову.

— Десять, и нынче.

— Двенадцать.

Подрядчик вздохнул так, как вздыхают люди, вынужденные платить за воздух, и полез за кошельком.

В это время у него за спиной появилась женщина.

Сначала Савелий увидел лишь серую перчатку на косяке. Потом женщина попросила пропустить её, и Архип Семёнович с неожиданной готовностью втянул живот. На ней было тёмно-синее платье, простое по сравнению с теми, в которых состоятельные дамы показывались на набережной, однако воротник и узкие рукава сидели так, как у дешёвого платья не сидят. Она остановилась у порога, оглядела пол и уверенно переступила лежавшую поперёк доску.

— Савелий Андреевич Неверов?

— Он.

— Мне сказали, вы здесь работаете.

— Иногда.

Он ждал, что она улыбнётся, но женщина только посмотрела на разобрannую помпу.

— Тогда я не совсем не вовремя.

Архип Семёнович выложил на верстак пять рублей задатка. Деньги упали между ключами, и Савелий, не считая, отодвинул их в чистое место.

— К вечеру зайду, — сказал подрядчик. — Ты всё же постарайся. Люди стоят.

— Люди подождут.

Подрядчик вышел, зацепив рукавом дверной крючок, и сказал ему то, чего не позволил себе сказать мастеру.

Митька смотрел на посетительницу. Савелий дал ему поручение в соседнем дворе, а когда мальчишка убежал, поднял со скамьи кусок парусины.

— Садитесь, если нужно долго.

— Не знаю, сколько вам потребуется.

Она села, не выпуская из рук плоскую кожаную папку. Савелий остался у верстака. Стук за стеной сделался громче; он прикрыл дверь, оставив щель для света.

— Антонина Павловна Дубровина, — представилась женщина.

Фамилию он знал. Дубровин держал суда, торговал чем придётся, спорил громко, платил не сразу. Года два назад у него на море погиб грузовой пароход; потом дела стали совсем плохи, а прошлой осенью умер и сам хозяин. Савелий видел его однажды в конторе, когда тот добивался, чтобы сняли с ремонта судно, которое ещё не могло выйти.

На жену он тогда внимания не обратил. Теперь попытался вспомнить, была ли она в комнате.

— Кустов вас послал?

— Он назвал ваше имя. И ещё двое.

— Ему за это приплачивать надо.

— Он уже постарался включить это в наём судна.

Савелий засмеялся. Антонина Павловна положила папку на колени и расстегнула её. Перчатки она пока не снимала.

— Мне нужен водолаз, который знает пароходы, — сказала она. — Не только снаружи. Знает, где что могло оказаться после крушения, что можно поднять, за что нельзя тянуть. И может собрать людей.

— Судно какое?

— «Завет».

Он не сразу ответил.

За стеной перестали стучать. В короткой тишине было слышно, как по двору идёт, шлёпая подмётками, какой-то человек. Он миновал дверь, и стук начался снова.

— В восьмом году? — спросил Савелий.

— Тысяча девятьсот восьмой. Осень.

— Помню. Я тогда на берегу был.

Он сказал это слишком быстро и полез за тряпкой, хотя руки уже вытер.

— Пароход целиком поднимать не стану, — продолжил он. — Если Кустов вам обещал, что мы вдвоём его за трубу вытянем, то он ошибся.

— Он обещал судно, команду и исправную машину. Остальное я стараюсь выяснить у тех, кто этим занимается.

— А что выяснили?

Антонина вынула сложенный лист, но не подала его сразу.

— Последнее место определено неточно. Люди, которые спаслись, говорили не вполне одинаково. Один теперь в Петровске. С ним надо встретиться. Груз лежал в кормовой части, в особом помещении. Не в капитанской каюте.

— Какой груз?

Она подняла на него глаза. До этого Савелий замечал в её лице главным образом готовность внимательно выслушать и ничего не обещать лишнего. Теперь увидел усталость: тонкие морщины у рта, тень под глазами. Ей, должно быть, пришлось повторять этот разговор не раз, и каждый раз чужой интерес менялся в одном и том же месте.

— Золотая монета. Сто двадцать тысяч рублей.

Савелий положил тряпку обратно.

Сумма была настолько велика, что сперва ничего не значила. За ней не возникло ни дома, ни новой одежды, ни своих инструментов. Он увидел только блестящий край монеты, которую когда-то держал на ладони, и попробовал представить много таких краёв. Получилась тяжесть, которую невозможно было прикинуть привычным движением руки.

— Сказки, — сказал он.

Антонина развернула лист.

— Здесь выписка из грузовых бумаг. Подлинные у поверенного. И свидетельство о принятии ящиков. С печатями отправителей.

— Печати плавают лучше золота. Кто его видел?

— Муж. При упаковке своей части. Приказчик одного из владельцев. Капитан принимал уже закрытые ящики.

— Муж вам рассказал?

— Да.

— А приказчик?

— Приказчик жив. Я с ним говорила.

Он взял лист. Бумага была хорошая, плотная; чернила в нескольких местах расплылись от влаги, но цифры читались ясно. Восемь ящиков. Небольших. Каждый весил меньше мешка

муки. Вместе с деревянной тарой и оковкой — вполне обычный груз, из-за которого обычный человек не стал бы терять сон, если бы ему не показали стоимость содержимого.

Савелий прикинул, сколько придётся поднимать. Это уже было понятно: не гора, которую нельзя сдвинуть, а работа, для которой нужны руки, снасти и время.

Он почувствовал, как охотно ум стал заниматься этой работой.

— Груз был застрахован?

— Эти посылки — нет. Иначе я говорила бы сейчас совсем с другими людьми.

— Всё ваше?

— Нет. Моё и тех, с кем я условилась о подъёме. Оставшиеся владельцы решают за себя.

— Они тоже захотят поехать.

— Хотеть они начали давно. Пока не поехали.

Савелий снова посмотрел на цифры. Сто двадцать тысяч. На дворе торговались из-за чужой бочки; за пять минут до этого он не мог уступить два рубля и считал себя совершенно правым.

— Место искать дорого, — сказал он. — Если вы думаете, что я спущусь и пойду по дну, пока не наткнусь, лучше сразу деньги сохраните. Под водой мне ваши бумаги не светят.

— Мне нужен человек, который сначала найдёт, где работать.

— Не один человек.

— С людьми. Я ведь сказала.

Он вернул лист. Антонина не убрала его, оставила раскрытым на коленях.

— Кустов хотел взять другого, — сказала она. — Молодого. Тот соглашался дешевле. Но на вопрос, что будет делать, если корпус лежит на боку, ответил: доберёмся, там поглядим.

— Может, и правильно ответил. Отсюда-то что поглядишь?

— Вы хотя бы предупредили, что не пойдёте по всему дну пешком.

Савелий улыбнулся, но женщина смотрела серьёзно.

— Я не умею выбирать водолазов, — сказала она. — Могу купить вещь и ошибиться. Человека мне ошибочно купить хотелось бы меньше.

— Людей не покупают.

— Нанимают. Если вам нужно именно это слово.

Ему понравилось, что она не стала извиняться. За последние два года Савелий слишком часто встречал людей, которые обращались с ним бережно, как с испорченным дорогим инструментом. Эта женщина хотела знать, стоит ли он денег.

— Сколько дадите? — спросил он.

Антонина назвала плату за время работы. Потом — долю с того, что действительно поднимут и примут владельцы.

Савелий выслушал до конца.

— Доля маленькая.

— Она ещё не заработана.

— Работы тоже пока нет.

— Поэтому мы с вами и разговариваем.

Он достал со стола карандаш, нашёл обрезок бумаги и начал считать. Не все сто двадцать тысяч относились к её договорённостям. Надо было вычесть расходы, понять, что получают остальные, сколько останется ему. Антонина следила за карандашом; когда он ошибся в одной строке, молча коснулась её пальцем.

— Вижу, — сказал Савелий, хотя не видел.

Исправил.

Денег выходило достаточно, чтобы перестать снимать угол при мастерской. Достаточно для своего жилья, своей работы и хорошего запаса на случай, когда заказчик придёт уверять, что завтра заплатит непременно. Савелий вдруг вспомнил сад за домом, где жил мальчишкой:

три яблони, треснувшую бочку, сухое тёплое место под стрехой. Он давно не хотел вернуться туда. Хотел иметь что-то такое же несомненное, своё, чтобы не спрашивать, можно ли оставить доски до весны.

— Когда выходить?

— Как только соберёмся. Я не хочу потерять ещё одно лето.

— В мае море тоже море.

— Знаю.

— Не знаете.

Она убрала палец с бумаги.

— Тогда узнаю.

Савелий впервые заметил, что на её правой перчатке разошёлся маленький шов у большого пальца. Она спрятала разрыв, зажав руку между папкой и коленом, и продолжила смотреть на него.

— Мне надо увидеть ваше снаряжение, — сказал он. — И судно. С Кустовым отдельно поговорю. Если он эконоит на помпе, я никуда не пойду.

— Помпа исправна. Он так сказал.

Савелий кивнул на верстак.

Антонина посмотрела на разобранный насос и едва заметно улыбнулась.

— Хорошо. Проверьте сами.

Она встала. Он открыл перед ней дверь, придержал качнувшийся крючок. Во дворе уже было жарко. Митька возвращался с жестяной банкой в обеих руках; при виде посетительницы замедлил шаг, чтобы рассмотреть её подольше.

— Ещё одно, — сказала Антонина. — Вы давно спускались?

Савелий ощутил, как дверной крючок давит в ладонь.

Он мог ответить сразу. Два года. После аварии. Мог сказать, что сперва нужно попробовать, и тогда всё остальное — деньги, судно, поиски — оставалось бы возможным, хотя уже не обещанным ему одному.

Митька остановился у бочки, делая вид, что поправляет банку.

— Последнее время больше с машинами, — сказал Савелий. — Люди приносят столько добра, что не выберешься.

— Но сможете?

— Снаряжение покажите. Потом условимся.

Она ещё секунду стояла перед ним. Савелий не знал, услышала ли она уклонение или приняла его за обычную осторожность мастера.

— Завтра утром, — сказала Антонина. — У Кустова. Я буду там.

Он кивнул.

Она ушла со двора пешком. Извозчика у ворот не было.

Митька заглянул вслед и спросил:

— Это богатая?

— Тебе зачем?

— Просто. У богатых обычно духами пахнет.

— А от этой?

— Не успел.

Савелий взял у него банку и поставил на верстак.

— Иди поешь. Потом будем собирать.

Мальчишка убежал, прихватив забытый подрядчиком кусок хлеба. Савелий остался один. За стеной продолжали работать, по двору прокатили тележку, железное колесо ударило в порог. Обычный день, в котором всё можно было сделать руками и увидеть, что получилось.

Он долго смотрел на разобранный помпу.

Вечером Архип Семёнович привёл двоих рабочих, и они снова крутили рукояти, пока Савелий слушал, смотрел на прибор и проверял соединения. Ничего не торопило его, кроме нетерпения хозяина. Подрядчик сперва заговорил о цене, потом понял, что лучше подождать, и вышел курить.

Савелий велел остановиться лишь после того, как закончил всё, что считал нужным. Рабочие выпрямились. Один вытер лицо подолом рубахи и спросил, не нужен ли теперь ещё ветер с Волги.

— Ветер бесплатно, — ответил Савелий. — Не приучайте хозяина.

Архип Семёнович расплатился без новых торгов. Помпу подняли на телегу, привязали, и двор сразу показался просторнее. Савелий собрал мелкие обрезки и снятые негодные части в отдельный ящик. Перед тем как убрать, провёл пальцами по кожаному кольцу.

Запах разогретой кожи остался на руках.

Он вымыл их. Потом ещё раз.

У себя за перегородкой зажёл лампу и открыл сундук. В нём лежали чистая рубаха, старый пиджак, два письма сестры из Саратова и жестяная коробка с бумагами. Коробка прежде была из-под чая; на крышке ещё виднелась женщина с зонтиком. Покойная жена хранила в ней пуговицы и серёжки, а он после её смерти несколько лет не мог привыкнуть, что коробка открывается пустой.

Теперь в ней было тесно.

Савелий разложил на столе свидетельства и рекомендации. Бумага на стигбах потемнела. В одном письме его называли человеком испытанной храбрости; это написал управляющий, который во время той работы вообще не выходил из конторы. В другом подробно перечислили сделанное. Второе Савелий положил сверху.

Последняя рекомендация была выдана в начале тысяча девятьсот восьмого года.

Он подвинул лампу ближе.

За тонкой стеной хозяйка мастерской ругала сына. Тот вернулся без кувшина; кувшин оказался разбит, молоко выпито, и мальчик пытался доказать, что пить пришлось уже после того, как случилась беда. Савелий слушал, не желая слушать, и наконец улыбнулся.

Потом с улицы донёсся короткий гудок парохода.

Он перестал улыбаться.

Вспомнилось не само место аварии. Место за два года успело превратиться в несколько плохо связанных картинок: железо рядом с лицом, тёмная вода, белёсая рука. Гораздо яснее был звук внутри шлема, сделавшийся вдруг недостаточным. Воздух продолжал идти, а вдохнуть его не удавалось столько, сколько требовало тело. Савелий помнил, как рвался назад, как ещё крепче вжимал в преграду то, чем зацепился, и как наверху не могли понять, почему он отвечает неправильно.

На столе перед ним лежало письмо об испытанной храбрости.

Он сложил его и убрал в коробку. Остальные оставил.

Ланцов тогда говорил, что ничего особенного не случилось. Бывает. Дал выпить воды, прикрыл одеялом, когда Савелия затрясло, и велел не пускать к нему любопытных. Позднее рассказывал происшествие иначе — со смешной подробностью о том, как Неверов чуть не укусил человека, который снимал с него шлем. Савелий не помнил этого и не мог спорить. Все смеялись, не желая зла. Оттого было хуже.

Он давно не видел Григория.

В темноте за окном прополз огонь. Судно проходило по Волге, и свет медленно двигался между чёрными досками соседнего сарая. Савелий проследил за ним до конца, затем достал чистую рубаху.

На локте рубаха была протёрта, хотя ещё не порвалась. Он нашёл иголку, отрезал нитку и начал зашивать, подвинув лампу так, чтобы не щуриться. Дважды уколол палец. Когда закончил, положил сверху выбранные бумаги.

Завтра он пойдёт посмотреть на судно. Смотреть на судно никто ему не запрещал.

Савелий погасил лампу, но лёг не сразу. Нащупал в кармане деньги, полученные за помпу, пересчитал и отделил хозяйские за угол и стол. Остаток положил в жестяную коробку.

Теперь там лежало почти всё, что он заработал за весну.

Глава 2. Шесть чужих печатей

Вернувшись из мастерской, Антонина нашла в передней два стула, поставленных сиденьями друг к другу. На одном лежали свёрнутые портьеры, на другом сидела её старшая сестра Мария. Она держала на коленях медную дверную ручку.

— Откуда это? — спросила Антонина.

— С двери. Я хотела открыть, а она осталась у меня. Тоня, ты всё продаёшь, кроме того, что давно пора выбросить.

— Ручку не продаю. Положи на стол.

— Я уже положила. Она скатывается.

Сестра поднялась и поцеловала её в щёку. От Марии пахло пудрой и жареным луком; видимо, пришла прямо из кухни, где спорила с прислугой о котлетах. Эти два запаха Антонина помнила с детства. Они сопровождали сестрину заботу даже в те годы, когда обе ещё не умели готовить и пользовались одной материнной пудреницей.

— Ты опять пешком?

— Недалеко.

— По такой жаре.

— Ещё май.

— Жаре сообщи.

В гостиной стало светлее после того, как сняли портьеры. Антонина смотрела на голые окна и не могла решить, нравится ей это или нет. Покупательница должна была забрать ткань завтра. Карниз пока оставался; за него предложили столько, что проще было подарить, но дарить женщина явно не собиралась, и Антонина отказалась отдавать его вместе с портьерами.

Мария принесла в корзине еду. Две котлеты, хлеб, огурцы и маленькую банку варенья. Раньше приносила на блюде под салфеткой; теперь вещи исчезали из дома так быстро, что сестра предпочитала посудой не рисковать.

— Ты обедала?

— Нет.

— Сядь.

Антонина сняла шляпу, положила папку на подоконник и села у стола. Сестра развернула еду прямо на бумаге. Тарелок в доме хватало, но обеим хотелось сразу начать есть, не устраивая из этого маленького посещения обед.

Котлеты были ещё тёплые.

— Нашла? — спросила Мария.

— Нашла.

— И что он?

— Думает.

— Все думают, когда им обещают деньги. Он хоть похож на того, кто умеет?

Антонина вспомнила руки Неверова, когда он показывал подрядчику испорченную деталь. Он не старался придать движению особую важность. Рассматривал вещь так, как другие рассматривают знакомое лицо, сразу замечая, что с ним случилось.

— Похож.

— Тебе этого довольно?

— Завтра осмотрит судно. Потом попробует снаряжение.

Мария отломил корочку. Есть сама она почти не стала; следила за тем, как ест младшая.

— Василий вчера опять говорил с Тереньевым.

Антонина положила вилку.

— Маша.

— Подожди. Он не просит тебя ничего решать сейчас. Терентьев согласен дать две тысячи за твои права. Деньгами, сразу. Не за этот дом. За то, что на дне.

— Вчера было полторы.

— Вот видишь. Василий умеет разговаривать.

— Значит, пусть ещё поговорит.

Мария перестала ломать хлеб.

— Тоня, я не предлагаю отдать ему за бесценок то, что у тебя в шкафу. На дне может вообще ничего не быть.

— Тогда зачем ему мои права?

— Потому что у него есть деньги, которыми можно рискнуть.

Антонина посмотрела на сестру. Ответ был разумный, оттого раздражал сильнее. Мария не верила в волшебное спасение, не хотела присвоить дом или командовать её будущим. Она принесла обед и предлагала две настоящие тысячи вместо тридцати тысяч под морем.

— Он ведь сам не поедет, — сказала Антонина. — Наймёт людей. Таких же.

— Да. И, если не найдёт, не останется без крыши.

На дворе хлопнула дверь. Старуха, которая ещё приходила иногда убирать, разговаривала с кем-то о портьерах. Антонина услышала своё имя и велела не отдавать ничего до завтра. Ответили, что никто не отдаёт; просто спрашивают, хороша ли ткань.

Мария протянула ей кусок хлеба.

— Котлета остынет.

Антонина взяла хлеб.

Дом достался ей от матери. За двенадцать лет брака Алексей привык говорить о нём «наш», как говорил о своих судах, складских ключах и малиновой шали, которую подарил жене на первую годовщину. Она не спорила. Ей тогда нравилось, что всё было общим на словах, даже то, к чему он не имел отношения. После его смерти бумаги разделили имущество гораздо точнее, чем они делали это при жизни.

Дом остался её. Часть долгов мужа к ней не перешла; с теми, которые она сама приняла вместе с наследством, приходилось разбираться отдельно. На разговоры ушла зима. Она успела продать второй, уцелевший пароход, расплатиться там, где откладывать было нельзя, и узнать, сколько знакомых Алексея помнят его щедрость, но плохо помнят собственные обязательства.

Золото не было последним секретом мужа. О нём она знала ещё до гибели «Завета». Алексей гордился той поездкой: три торговых дома сложились для покупки крупной партии товара в Баку, продавец потребовал расчёта монетой. Сделка расстроилась, и деньги решили вернуть на собственном судне. Бумаги были в порядке. На остальном сэкономили — и на этой экономии Алексей потом не любил останавливаться.

Антонина не собиралась оправдывать его перед морем. Она хотела получить назад свои деньги.

— Ты у нас можешь жить сколько угодно, — сказала Мария.

— Знаю.

— Василий правда не против. И комнаты хватает. Ты не думай, что это из жалости.

— А из чего?

— Потому что ты моя сестра, дура. Из этого.

Антонина засмеялась и неожиданно для себя всхлипнула. Сестра отвернулась, давая ей время, и стала закручивать банку с вареньем.

— Я не хочу к вам, — сказала Антонина, когда снова смогла говорить ровно. — Мне у вас хорошо. Но я не хочу там жить.

— Тогда наймём тебе квартиру.

— И чем я буду за неё платить?

— Двух тысяч хватит не на один год. А там придумаешь.

Антонина смотрела на голые окна. За стеклом было видно дерево у соседского забора; раньше нижние ветки заслоняла тёмная ткань. На одной ветке сидел воробей и никак не мог устроить в клюве длинную соломинку.

— Я уже придумала, — ответила она.

Мария закрыла корзину.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже не всё нравится.

Сестра ушла через полчаса, забрав пустую бумагу из-под котлет и оставив банку варенья. Перед уходом она опять предложила помощь с вещами. Антонина согласилась; из-за моря не стоило ругаться ещё и о том, кому упаковывать книги.

Оставшись одна, она сняла перчатки. Шов на правой разошёлся сильнее. Из ящика вынула нитки, но зашивать не стала: следовало успеть к поверенному.

Дверная ручка лежала на краю стола. Антонина вставила её обратно, придержала с другой стороны и попробовала открыть дверь. Ручка снова осталась в ладони.

На этот раз она рассмеялась.

У поверенного было прохладно. Его помощник поливал из жестяной кружки большой фикус и всякий раз осторожно отодвигал листья, чтобы убедиться, что вода попадает в землю.

Антонина ждала, держа папку на коленях. На стене висели часы с тяжёлым маятником. Она была здесь так часто, что научилась различать несколько голосов за дверью и по ним угадывала, насколько задержится приём. Сейчас разговаривал купец с поставленным, громким басом; он никак не мог понять, почему признание долга в дружеском письме не заменяет всех прочих бумаг.

Наконец его выпустили.

Леонид Михайлович Ливен встретил её стоя, взял папку и сразу спросил:

— Вы не передумали?

— Со вчерашнего дня?

— Иногда для этого хватает ночи.

Он был худ, тщательно причёсан и не любил произносить лишнего при помощнике. Закрыв дверь, снял очки и потёр переносицу. На столе лежали две пачки бумаг, перевязанные тесьмой. Антонина знала обе. Одна касалась займа под её дом, другая — полномочий на поднятие груза.

— Кустов согласен? — спросил Ливен.

— Согласен. Прибавил за работы, которых ещё не сделал.

— Это его постоянное свойство. А водолаз?

— Завтра будет смотреть.

Поверенный кивнул и разложил перед ней бумаги о грузе. Антонина терпеливо выслушала ещё раз то, о чём они говорили на прошлой неделе. Ей принадлежали два ящика. Четыре — братьям Зайцевым, которые предпочли поручить поиски ей, сохранив большую часть возможной выгоды за собой. Последние два принадлежали Тихону Завадскому; с ним договориться не удалось.

Зайцевы уступали треть стоимости поднятого для них золота за организацию и расходы. Если не поднимут ничего, Антонина не получает ничего и оплачивает поездку сама. Если поднимут лишь один их ящик, получает треть одного. Деньги, лежавшие в двух собственных ящиках, оставались её, но тоже должны были выйти из воды прежде, чем стать средством расчёта.

— Завадский передал ответ? — спросила она.

— Передал. Он своих условий не меняет.

— Половину расходов пусть внесёт, тогда поговорим об общей выгоде.

— Вы это уже сказали. Я повторил.

— И?

— И он тоже повторил.

Ливен подвинул ей письмо. Антонина прочла первые строки и отложила. Завадский предлагал принять её права целиком, заплатив немного сейчас и обещая остальное после удачи. При этом решать, что считать удачей и какие расходы вычитать, собирался сам.

— Пусть ищет свои два ящика, — сказала она.

— Он может искать и всё судно. Море вы не нанимаете.

— Знаю.

— Тогда помните: если найдёте его имущество, не превращайте его в своё только потому, что вам больше досталось работы. Вести счёт и сохранять находки придётся с самого начала.

— Я не собираюсь красть.

— Сейчас — безусловно.

Антонина посмотрела на него.

— Вы всем своим доверителям это говорите?

— Только тем, кто собирается привезти деньги со дна моря. У меня вы первая.

Он снова надел очки, и она не поняла, шутит ли он. Ливен умел произносить смешное таким голосом, словно просил приложить ещё одну справку.

Из ящика стола он достал лист с её расчётами. Накануне они вместе отделили плату за наём от вознаграждения в случае успеха. Люди получали оговорённые деньги за работу и содержание; дополнительно десятая часть стоимости груза, поднятого по её полномочиям, предназначалась команде. Ещё предстояло окончательно разделить её между людьми. Неверову Антонина предложила четверть этой общей награды. На остальных должны были остаться три четверти.

— Он согласился? — спросил Ливен, коснувшись этой строки.

— Назвал долю маленькой.

— Люди, которым обещают две тысячи двести пятьдесят рублей при полной удаче, редко начинают с благодарности.

— Я ему этого не обещала. Он сам посчитал.

— Вы позволили считать с девяноста тысяч. Всё верно.

Антонина опустила глаза на лист. Девяносто тысяч, которыми она имела право заниматься. Тридцать тысяч Завадского оставались отдельной заботой. Восемь ящиков были одинаковы по размеру и сумме, но теперь каждый принадлежал к своей будущей ссоре.

— Надо дописать, что оплата работы не пропадает при неудаче, — сказала она. — Кустов это понял. Остальные должны услышать то же самое.

Ливен показал уже внесённую строку.

— Поэтому я и прошу не сокращать запас до последнего рубля. Если вернётесь без золота, с вами вернутся люди, которым вы должны.

Она достала маленькую книжку и проверила оставшуюся сумму. Заём давал три тысячи триста рублей. Часть была уже обещана Кустову, часть уходила на снаряжение, топливо, продовольствие и плату людям. Продажа вещей добавляла немного, зато эти деньги не имели срока возврата. Никакой красивой свободы в цифрах не было: несколько лишних недель могли съесть всё, что она сейчас берегла.

— Восемь недель, — сказала она. — Дольше не останемся.

— Если понадобится вернуться раньше, возвращайтесь.

Ливен сказал это без выразительного взгляда. Просто передал ей бумаги о займе.

Она прочла. Дом, срок, проценты. В сентябре надо будет платить. Антонина подумала о ручке, которую оставила на столе: маленькая неисправность останется в доме, куда бы она

ни уехала. Она могла сейчас отказаться, принять предложение Терентьева и через месяц сердиться на себя уже по другой причине.

Ливен ждал.

— К нотариусу успеем? — спросила она.

— Нас ждут. Пока закончим с грузом.

Они перешли к полномочиям. Шесть ящиков с отметками владельцев. Всё, что удастся спасти, предстояло предъявить и пересчитать. Антонина получила свои экземпляры, копии грузовых сведений и адрес человека в Петровске. Подлинные старые документы оставались у Ливена.

— Храните отдельно от денег, — сказал он, передавая пакет.

— Вы думаете, я сложу всё в одну сумку и уроню за борт?

— Думаю, люди иногда роняют сумки.

Она кивнула. Он был прав, и этого на сегодня было достаточно.

У двери Ливен задержал её.

— Антонина Павловна, я не считал вашего мужа хорошим деловым человеком.

Она удивлённо обернулась.

— Вы мне уже дали понять.

— Я не об этом. Вы не обязаны закончить всё, что он не сумел. Даже если теперь можете.

— Я и не собираюсь всё заканчивать. Только это.

Она подняла папку, и поверенный отступил, открывая дверь.

У нотариуса она подписывала медленно. Слова о доме пришлось выслушать ещё раз; чернила на последней букве легли жирнее, чем она хотела. После оставалось ждать утверждения закладной старшим нотариусом. Ливен взял дальнейшие хлопоты на себя, но предупредил, что денег пока нет.

До места, где стояла «Касатка», Антонина могла доехать, но снова пошла пешком. День клонился к вечеру; тени легли поперёк улицы, и в них было прохладнее. Она купила у торговки яблоко, поморщилась от кислоты, однако доела. После котлет ничего не хотелось, но нужно было чем-то занять руки: они всё ещё помнили перо.

У судна Кустов спорил с человеком, державшим под мышкой свёрток. Антонина дождалась, пока тот уйдёт, и поднялась по сходне.

Капитан увидел папку и перестал ворчать.

— Подписали?

— Подписала.

— Вот и ладно. Я вам что говорил: судно готово.

Она посмотрела за его плечо. Рабочая палуба была заставлена, на корме лежало несколько досок, из люка торчала голова машиниста. Тот выслушал капитанское заявление и скрылся вниз.

— Завтра Неверов придёт осматривать снаряжение, — сказала Антонина.

— Приходил бы нынче. Чего ему тянуть?

— Работает.

— Все работают. Ибрагим!

Из люка снова показалась голова.

— Ты покажи ей, что у нас машина не разобрана. А то смотрит как на больного.

— Машина собрана, — сказал Ибрагим. — Подшипник ещё греется.

— Он всегда грелся.

— Потому я и занимаюсь им сейчас.

Кустов махнул рукой, но Антонина увидела, что спор этот привычный и капитан не собирается отбирать у машиниста инструмент.

Она прошла на корму. «Касатка» была меньше утраченного парохода её мужа и старше, чем Антонине хотелось бы. Краску положили недавно; там, где у борта потёрлась снасть, уже проступило предыдущее название судна. Новая жизнь начиналась поверх старой, не закрывая её как следует.

— Каюта ваша там, — сказал Кустов. — Слева. Я вещи велел вынести.

Антонина нагнулась в низкой двери. Внутри пахло деревом, сыростью и керосином. Узкая койка, маленький стол, крючки на перегородке. Окно было таким небольшим, что она сперва приняла его за тёмное зеркало.

На койке стоял пустой таз.

— Таз зачем?

— На всякий случай, — ответил капитан из-за двери.

— Благодарю за доверие.

— Это к морю доверие, Антонина Павловна. Оно своё возьмёт.

Она переставила таз под койку и села. Пружин не было; доски под тонким матрасом почувствовались сразу. Если вытянуть ноги, можно достать до противоположной стены. Антонина прикоснулась к столу: край был вытерт ладонями, в углу остался чернильный след.

Кустов подождал снаружи.

— Ну как?

— Ключ будет?

— Найдём.

— Мне нужен свой.

— Найдём свой.

Она вынула из папки копию описи груза и развернула на столе. Лист почти закрыл его. Здесь ей предстояло вести счёт, читать, писать сестре, возможно, есть, когда море не позволит подняться. Капитан помолчал за дверью и отошёл, оставив её одну.

Из машинного отделения донёсся голос Ибрагима, потом короткий стук. Судно покачнулось от волны прошедшего мимо парохода. Антонина придержала бумагу, хотя та никуда не собиралась падать.

Впервые за день ей захотелось улыбнуться без всякой причины.

Она убрала опись и вышла на палубу.

— Арсений Иванович, — позвала она. — И матрас другой.

Кустов обернулся с таким выражением, словно всё утонувшее золото уже было потрачено.

— Этот почти новый.

— Тогда оставьте себе.

Машинист рассмеялся внизу. Капитан постоял, глядя на Антонину, и наконец тоже усмехнулся.

— Завтра принесут. Неверову скажите, пусть не опаздывает.

Она спустилась на берег в сумерках. Дома ещё нужно было зашить перчатку, собрать тёплые вещи и придумать, кому оставить медную ручку, чтобы починили дверь до её возвращения.

Глава 3. Проверочный спуск

Савелий пришёл раньше назначенного часа. На берегу ещё лежала длинная тень «Касатки». На палубе человек подметал доски так сердито, словно собирался вымести вместе с сором ещё и вчерашний день. Увидев незнакомца на сходне, он придержал метлу.

— К капитану?

— К помпе.

— Ей повезло. К нему все со вчерашнего дня.

Человек отступил. Савелий поднялся и увидел на носу под брезентом то, ради чего торопился: деревянный ящик воздушной помпы, бухты шланга, две длинные скамьи. Рядом с ящиком сидел Фёдор Суханов и, запрокинув голову, осторожно нащупывал языком больной зуб.

Они не виделись года три. Фёдор почти не изменился, только волосы возле ушей стали совсем белыми. Савелий остановился, радуясь и досадуя разом.

— Ты здесь?

— Нет, — ответил Фёдор. — Прихожу зуб мучить. Дома жена ругается.

Он поднялся, пожал руку, не спрашивая, что случилось после их последней работы. Это было на него похоже: новости Фёдор любил получать со стороны, а знакомому человеку давал право самому выбрать, о чём молчать.

— Кустов нанял? — спросил Савелий.

— Дубровина. Кустов только назвал цену, за которую ему хотелось бы меня нанять. Сошлись посередине.

— Давно смотришь?

— Со вчерашнего утра. Полезешь — всё равно снова будешь смотреть. Вот и гляди.

Он откинул брезент.

Савелий провёл ладонью по ящику, нагнулся к открытой крышке. Хорошая вещь, потёртая, без свежей краски поверх масла. Следы недавней работы были там, где и следовало: соединения разобраны и проверены, рукояти смазаны, шланги разложены так, чтобы осмотреть всю длину. Суханов поставил рядом ведро и коротко объяснил, что уже сделано.

Савелий слушал, не перебивая. Потом попросил позвать людей.

Матрос с метлой вернулся вместе с широкоплечим парнем. Первого звали Борисом, второго — Кузьмой. Борис хотел сперва убрать сор, но Фёдор сказал, что сор никуда не денется, а подать воздух придётся уже утром.

— Так я его потому и мету, что никуда не девается, — ответил Борис.

Кузьма взялся за рукоять, примерился, засучил рукава. Помпа заработала. Савелий слушал её, следил за прибором, осматривал соединения. Борис скоро перестал разговаривать. С берега донёсся стук телеги; на соседнем судне бранились из-за мешка, упавшего в воду. Всё это было привычным, отдельным от его рук, и он почти успокоился.

Из каюты вышел Кустов с чашкой.

— Разбудили, — сказал он.

— Ты сам велел пораньше, — ответил Фёдор.

— Велел. Только можно же без такого усердия. Ну, Неверов? Не хуже твоей?

— У меня своей нет.

— Вот я и говорю.

Капитан сел на свёрнутый канат, удерживая чашку обеими ладонями. Савелий видел, как тот наблюдает за каждой проверкой. Ворчать Кустову было легче, чем ждать молча.

Помпа выдержала испытание. Из двух шлангов один требовал нового соединения на конце; Савелий показал Фёдору место, и тот кивнул, уже записывая. Они осмотрели одежду,

грузы, обувь, шлемы. На стекле одного фонаря шла царапина. Она не мешала прочности, но лежала прямо перед глазами.

— Этот Петру, — сказал Савелий и тут же услышал за спиной:

— А почему мне?

Молодой человек стоял возле сходни. Светлые ресницы, коротко остриженные волосы, нос немного свёрнут в сторону. В руке он держал узел с бельём.

— Потому что ты позже пришёл, — ответил Кустов.

Пётр посмотрел на капитана, потом снова на Савелия.

— Я в таком уже работал. Достаньте другое стекло, пока на берегу.

Савелий повернул шлем. Фёдор сделал ещё одну запись.

— Достанем, — сказал он.

Молодой человек положил узел и подошёл. Они познакомились. Савелий знал работу, на которой Сизов провёл прошлую осень, хотя самого его тогда не встречал. Неглубоко, зато течение и тяжёлая возня возле свай. Называть его мальчиком не было причины.

— У тебя кто на лине стоял? — спросил он.

Пётр назвал человека. Фёдор хмыкнул.

— Ещё жив?

— А что ему делается?

— С его характером всякое.

На этом разговор закончился. Они занялись последним шлемом; Пётр держал его, пока Савелий смотрел изнутри. Медный край коснулся запястья. Запах был слабый, обычный: металл, резина, чужое бельё. Савелий отвёл руку немного раньше, чем требовалось, и попросил ключ.

Он заметил, что Фёдор посмотрел на него. Ничего особенного во взгляде не было.

Антонина появилась, когда они уже собрали проверенное снаряжение. В руках несла маленький свёрток. За ней шёл мальчишка с новым матрасом на голове; он видел только край сходни и сердился, когда капитан велел идти осторожнее.

— Я уже иду осторожнее, — сообщил мальчишка. — Дальше будет стоя.

Кузьма помог ему подняться. Антонина поздоровалась, окинула взглядом палубу и спросила Савелия:

— Годится?

— После двух мелочей годится.

Кустов сделал вид, что мелочи его не касаются.

— Сегодня сможете попробовать? — спросила она.

Савелий посмотрел на воду между судном и пристанью. Коричневатая, с мелкой рябью. На поверхности плыла щепка. Он следил за ней несколько секунд, пока она не скрылась под тенью борта.

— Попробуем.

К полудню судно перешвартовали к свободному месту, где никто не должен был толкаться возле их спуска. Фёдор выбрал участок, который знал по прежним работам, проверил глубину и дно, договорился с береговыми людьми. Помпу поставили так, чтобы у неё оставалось место для смены. Шланг и сигнальный линь разложили отдельно; спусковой конец уходил в воду возле лестницы.

Савелий ходил по палубе и находил себе работу. Передвинул пустой ящик, проверил крепление, ещё раз заглянул в шлем. На всё это имелись причины. Каждая по отдельности была разумной; вместе они заняли столько времени, что Кустов перестал спрашивать, скоро ли.

Антонина сидела у двери каюты. Свой свёрток она уже развязала: в нём были хлеб и холодная говядина. Пригласила всех поест до начала, но Савелий отказался. Сейчас ему казалось, что еда не пройдёт в горло.

Фёдор подошёл к нему, жуя корку.

— Давно не работал?

— Смотрел бумаги?

— Тебя смотрю.

Савелий погладил большим пальцем медную кромку. На ней оставалась маленькая вмятина, старая, не имевшая значения для спуска.

— Давно.

Фёдор доел хлеб, стряхнул крошки с ладони.

— Тогда сегодня без дела. Спустишься, побудешь, вернёшься. Если что не так, сразу дай знать. Мы тут ничего не должны успеть.

— Я знаю.

— Ну, хорошо.

Савелий снял пиджак. Под ним была та самая рубаша, которую он вчера долго рассматривал при лампе; у ворота заметно темнел пот. Он пошёл переодеваться, чувствуя на себе взгляды и не оборачиваясь, чтобы проверить, смотрят ли на самом деле.

Когда вернулся, Пётр уже ждал возле скамьи. Помогал молча, без услужливости. Савелий сам просунул руки в рукава, поправил бельё на плече. Фёдор проверял крепления; к нему тянулись знакомые тяжести, и тело вспоминало их прежде, чем голова успевала испугаться.

Вот это он умел. Сидеть ровно, не мешать человеку, который одевает. Поднять ногу. Повернуться. Сказать, где тянет. Не торопиться ради тех, кто стоит без дела.

Помпа заработала.

Савелий посмотрел на Бориса и Кузьму. Оба были возле рукоятей, Пётр — у прибора и соединений. Фёдор проверил линию и поднял голову.

— Сигналы помнишь. Давай ещё раз.

Они повторили принятую между ними связь. Фёдор не делал скидки на прежнее знакомство. Савелий отвечал и чувствовал неприятную благодарность: ему не позволяли делать вид, будто двух лет не было, но и не требовали рассказать при всех, куда они делись.

Шлем опустили на плечи.

Мир сразу стал теснее. Лица оказались за стеклом; звук помпы отделился от прочих звуков и приблизился. Савелий смотрел на лицо Фёдора, пока тот заканчивал проверку. Хотел попросить подождать, но задержка ничего бы не изменила. Надо было либо идти, либо снимать всё сейчас.

Он дал понять, что готов.

До лестницы помогли дойти. На первых ступенях тяжесть ещё давила в плечи; потом вода стала принимать её. Савелий опустился ниже и увидел, как мокрая доска борта поднимается перед стеклом. На мгновение сквозь рябь было видно небо. Потом небо исчезло.

Он не потерял ни направления, ни руки на спусковом конце. Вода была неглубокая. Наверху работали знакомые люди. Ничего не зацепилось. Воздух шёл.

Савелий остановился.

В зелёной мути возле стекла плавали крошечные соринки. Он следил за одной, пытаясь определить, движется ли она вверх или его самого слегка покачивает. Соринка ушла в сторону. Нога ещё находила последнюю ступень; он мог подняться, даже не начиная настоящей работы.

Это было хуже всего.

Он заставил себя сойти с лестницы, держась за конец. Несколько спокойных движений, знакомый переход веса, и тяжёлая подошва коснулась грунта. Над ним было всего несколько

саженной воды. Он успел различить тёмный край старой доски и комок ила, поднятый собственным шагом.

Потом привычный шум воздуха словно отступил.

Савелий знал, что шум не изменился. Ему было известно, куда смотреть, что проверить, какое движение не следует делать в испуге. Он сделал нужное, но тело уже требовало другого: немедленно получить наружный воздух ртом, всем лицом, грудью. На поверхности дыхание не имело стен. Здесь каждый вдох кончался слишком близко.

Он поймал себя на том, что тянет шею внутри шлема, будто может приблизиться к воздуху ещё на вершок.

Линь в руке оставался свободным.

Савелий дал сигнал подъёма.

Ответ пришёл сразу.

Он ждал, удерживаясь на спусковом конце. Хотел дёрнуть снова, сильнее, чтобы наверху поняли, но удержал руку. Фёдор понял. Нельзя было кричать ему верёвкой после ясного ответа.

Вода возле стекла взмутилась. Савелий начал возвращаться к лестнице, действуя медленнее, чем требовал страх. Нога не сразу нашла ступень, и в этот короткий миг он почти поверил, что всё повторяется. Потом тяжёлая подошва легла на дерево. Он поднялся ещё немного.

Свет возник сверху.

Когда стекло вышло из воды, за ним оказалось лицо Петра. Тот что-то говорил Фёдору, протягивая руку. Савелий не слышал слов. Он смотрел на открытый ворот молодой рубахи и ждал, когда сможет дышать так же.

На палубу его не вытаскивали без сознания. Он сам переставил ноги, сам дошёл до скамьи с помощью людей. Именно поэтому всё казалось таким постыдным: не произошло ничего, что можно было бы показать и назвать причиной.

Фёдор снял переднее стекло.

Савелий втянул воздух. Ещё раз. Грудь болела, как после долгого бега, хотя он едва успел дойти до дна.

— Не торопись, — сказал Фёдор. — Сидишь уже.

Он помог снять шлем. Савелий наклонил голову, мокрые волосы прилипли ко лбу. Борис и Кузьма остановили помпу по указанию Суханова и стояли рядом, не зная, куда деть освободившиеся руки.

— Что там? — спросил Кустов.

Фёдор посмотрел на капитана.

— Дай раздеться.

Пётр освобождал крепления. Его пальцы не суетились. Савелий ощутил, как сильно ему хочется придраться к чему-нибудь в этих уверенных движениях, и спрятал руки под край скамьи, чтобы не начать помогать без нужды.

Антонины он не видел. Может быть, ушла в каюту. Может быть, стояла позади. Обернуться было невозможно.

Когда снаряжение сняли, Фёдор принёс сухую одежду.

— Переоденься. Потом поговорим.

Савелий взял свёрток и пошёл к двери. Никто не спросил, нужна ли помощь.

Пётр спустился после обеда.

Савелий стоял в стороне и слушал помпу. Снаряжение проверили снова, не пропустив ничего из-за того, что оно уже было в воде. Молодой водолаз выбрал тот же шлем. Царапанное стекло оставалось на скамье, вынутое для замены.

До начала Фёдор спросил Савелия, что случилось. Они были вдвоём у борта. Савелий ответил коротко:

— Мне показалось, что не хватает.

— А подавалось?

— Подавалось.

Фёдор ждал.

— Ты же видел, — сказал Савелий.

— Я видел, что наверху. Потому и спрашиваю тебя.

Савелий провёл ладонью по лицу.

— Зацепился тогда. Внутри. После не ходил.

— Все два года?

Он кивнул.

Фёдор посмотрел на воду, потом позвал Петра и ещё раз обговорил с ним предстоящий спуск. Савелию казалось, что теперь каждое спокойное движение старшины обращено против него. Он понимал несправедливость этого чувства и ничего не мог с ним сделать.

Пётр оставался внизу дольше. Он осмотрел условленный участок, вернулся к спусковому концу и сообщил о готовности подняться. Когда сняли шлем, первым делом пожаловался, что возле лестницы лежит старая снасть, которую лучше убрать до следующей работы.

— Справа? — спросил Фёдор.

— Чуть дальше. Не там, где мерили. Короткая, в иле.

Савелий посмотрел на серую воду. Он этой снасти не увидел. Не дошёл до места, где мог бы увидеть.

Кустов отпустил матросов на обед, которого они ещё не успели поест, и подошёл к нему.

— Ну?

Савелий пожал плечом.

— Не нукай.

— Я тебя не стоняю. Я спрашиваю, что мне делать. Судно мне на двое суток задержать можно. Дальше надо знать, за что стоим.

— Подшипник твой готов?

— Ибрагим закончит. Не о нём речь.

Капитан был прав. Савелию стало противно, что он попытался перевести разговор на чужую неисправность.

— Скажу вечером, — ответил он.

— Ей скажи. Она заказывает работу.

Кустов ушёл, ступая по палубе чуть тяжелее обычного.

Антонина всё это время находилась на корме. Савелий увидел её у ящика с судовыми припасами: она сидела боком к воде и держала на коленях раскрытую книжку, в которую ничего не писала. Теперь отступить, не подойдя, было бы уже вполне понятным поступком.

Он подошёл.

— Вы видели.

— Да.

— Снаряжение хорошее.

Антонина закрыла книжку.

— Я не о снаряжении хотела спросить.

— Я знаю.

Он стоял перед ней, не находя места для рук. В мастерской можно было взять инструмент, повернуться к верстаку, хотя бы утереться ветошью. Здесь приходилось смотреть в лицо человеку, которому понадобилась его работа.

— Два года назад со мной случилась авария, — сказал он. — Линию зацепило внутри судна. Я стал рваться, воздуха на это не хватало. Меня вытащили. С тех пор не ходил.

Она не отвела глаз.

— Почему вчера не сказали?

— Думал, смогу.

— Это можно было сказать вчера: думаю, смогу. Сначала проверим.

Савелий кивнул.

— Можно было.

С берега донёлся долгий зов. Кто-то искал человека по имени Николай; имя повторили три раза с разной надеждой, потом вместо имени послали ругательство. Антонина повернула голову, словно эта чужая жизнь дала ей возможность не отвечать сразу.

— Мне уже поздно начинать всё сначала, — сказала она.

— Есть Пётр.

— Один?

— Можно найти другого. Я снаряжение посмотрел. За это много не возьму.

Она поднялась.

— Вы сейчас предлагаете мне нанять другого человека или хотите, чтобы я стала вас уговаривать?

Савелий покраснел. Он давно не краснел так, до боли в ушах.

— Не надо меня уговаривать.

— Тогда не говорите за меня, кого я могу найти.

Он посмотрел на неё, и впервые после подъёма злость оказалась полезнее стыда. Она хотя бы позволяла держать голову прямо.

— Я вам не обещаю, что завтра полезу в трюм. Не обещаю даже, что завтра выйдет лучше. Сегодня не вышло. Вот это я вам могу сказать.

Антонина молчала.

— Кустов сказал, двое суток есть, — добавил он. — Я ещё попробую. Если вы хотите искать замену, ищите. Я мешать не стану.

Она опустила глаза на книжку.

— Фёдор Егорович уже предлагал два дня, — ответила она. — И проверку у врача. Я согласилась.

Савелий обернулся к носу. Суханов сидел возле разобранного снаряжения и что-то показывал Петру. С этой стороны не было видно его лица.

— Но пока вы у меня не наняты водолазом, — сказала Антонина. — И деньги за осмотр получите независимо от того, пойдёте со мной или нет.

— Хорошо.

— Ещё я хочу знать сразу, если что-то мешает работе. Не вечером. Не когда все увидят.

Он снова кивнул. На этот раз она не стала добиваться слов.

Савелий собрал пиджак и бумаги. На сходне задержался: внизу проплывала щепка, совсем такая же, какую он видел утром. Вода по-прежнему двигалась мимо судна, не задерживаясь возле человека, которому сегодня пришлось из неё уйти.

— Завтра к семи, — сказал Фёдор у него за спиной. — Не натошак.

Савелий не обернулся.

— Приду.

Глава 4. Тот, кто держит линь

В семь часов Фёдор ждал на берегу, в чистом пиджаке. Савелий сразу понял, что вода откладывается.

— Ты оделся, как на свадьбу.

— У врача тоже люди.

— Мне к нему или тебе?

Суханов потёр щёку.

— За зуб отдельно берёт. Я спрашивал.

Они пошли вместе. Савелий съел дома хлеб с яйцом и теперь ощущал эту предусмотрительность тяжёлым комком под рёбрами. Он плохо спал. Несколько раз ему снилось, что он уже дошёл до судна, проверил всё нужное, а потом вдруг обнаруживал себя снова в постели, и утро приходилось начинать заново.

Фёдор по дороге говорил о жене. Она хотела купить козу. Суханов не понимал, почему забота о чужом молоке должна прекратиться только после того, как во дворе заведётся собственная коза.

— Молоко хорошее будет, — заметил Савелий.

— Это коза обещала?

Савелий улыбнулся. Он знал, зачем Фёдор рассказывает о домашнем, и всё равно был благодарен. За утро ещё ни разу не прозвучало слово «вчера».

В приёмной сидели женщина с мальчиком и плотный мужчина, прижимавший к шее платок. Доктор вышел к Суханову, поздоровался как со знакомым, но Савелия позвал без особого участия. Фёдор остался ждать.

В кабинете пахло мылом и чем-то горьким. На подоконнике стояла чашка с недопитым чаем. Савелий сел, держа картуз на коленях, и сразу заговорил об исправном снаряжении, будто пришёл защищать мастера от несправедливой жалобы.

Доктор дал ему закончить.

— Теперь о вас, — сказал он.

Пришлось рассказывать. Когда случилось, сколько пробыл в воде вчера, что чувствовал после подъёма, болела ли голова, терял ли сознание. На вопрос о сне Савелий ответил уклончиво. Доктор посмотрел поверх очков, и Савелий исправился.

Осмотр занял дольше, чем ему хотелось. Снаружи дважды кашлянули; кто-то спрашивал, кто последний. Савелий стоял с расстёгнутой рубахой и чувствовал себя человеком, которого разобрали без уверенности, что знают, как собрать обратно.

Доктор не нашёл того, что заставило бы немедленно отправить его в больницу. Однако и обещания благополучного спуска не дал.

— Суханов разумный человек, — сказал он, садясь к столу. — Расскажите ему всё, что рассказывали мне. И не соглашайтесь на работу потому, что стыдно отказаться при других.

— А если всегда стыдно?

Доктор поднял глаза.

— Тогда решение будет труднее. Но вода от этого не изменится.

Савелий застегнул рубаху. Ему хотелось получить что-то определённое: запрет, разрешение, бумагу, после которой можно было бы перестать выбирать самому. Доктор выписал лишь запись для Суханова и попросил прийти снова при повторном недомогании после выхода из воды.

На улице Фёдор ничего не спросил. Прочитал, что ему передали, сложил бумагу и остановился у лавки.

— Пойдём чай пить.

— Мы работать собирались.

— Собирались. До чая или после — не оговорили.

Они сели за маленький стол у окна. Фёдор размочил сухарь, бережно отправил его на здоровую сторону рта и спросил:

— Чего ты от меня хочешь?

Савелий поднял голову.

— Я?

— Ты. Хочешь, чтобы разрешил? Или сказал, что не годишься? Я могу только смотреть за своей работой и слушать тебя. Вчера ты мне дал сигнал, я ответил. Сегодня так же будет. Остальное за тебя не сделаю.

Савелий крутил ложку между пальцами. На металле была маленькая потёртость от множества чужих больших пальцев.

— Я не прошу за меня.

— Вот и славно. Допивай, пока чай есть.

Суханов отвернулся к улице. Там двое мальчишек пытались удержать собаку возле тележного колеса. Собака позволяла это делать с видом человека, у которого пока нет других намерений.

Савелий выпил чай. За него заплатил сам, не дав Фёдору достать деньги.

Старую снасть возле лестницы убрали до его прихода. Пётр показал на берегу грязный обрубок, положенный отдельно от добрых верёвок. Ничего страшного в нём не было: короткая петля, почти вся забитая илом. Однако Савелий подумал, что вчера мог поставить в неё ногу, и почувствовал неприятное облегчение от чужой предусмотрительности.

— Ты достал?

— С берега зацепили. Тут вода прозрачнее с утра была.

— Молодец.

Пётр пожал плечом.

— Я не за этим показал. Чтобы знали, убрали.

Савелий хотел сказать, что так и понял, но промолчал. Они ещё не научились разговаривать друг с другом без маленькой борьбы за место.

На этот раз перед спуском он не ходил по палубе кругами. Сел, когда Фёдор позвал, и сказал заранее:

— Если опять пойдёт то же самое, вернусь.

— Для этого мы и здесь.

Кустов стоял на берегу, разговаривая с поставщиком. Антонина ещё не пришла. От этого стало легче, а потом стыдно за облегчение. Савелий посмотрел на Петра: тот держал шлем обеими руками и не собирался ни утешать, ни подбадривать.

— После меня пойдёшь? — спросил Савелий.

— Если нужно будет.

— Нужно.

Он хотел сказать ещё что-нибудь об общей работе, но Фёдор попросил повернуться, и разговор кончился.

Под водой страх вернулся почти сразу. Савелий остановился возле лестницы, не убеждая себя, что сейчас всё иначе. Вчера он тоже знал, где находится и кто работает наверху. Эти знания не отменяли того, что грудь хотела чужого, невозможного вдоха.

Он дождался ответа по линии. Тот пришёл с обычной силой, без спешки. Савелий представил руку Фёдора, ноготь с тёмным полукругом, белые волосы у уха. Это не помогло сразу. Он продолжал держаться за спусковой конец.

Потом сумел посмотреть вниз.

На этот раз доска лежала там же, но не исчезла за первым облаком ила. Савелий увидел её целиком: короткая, с обломанным краем, никакого отношения к кораблю, в котором он когда-то застрял. Возле доски торчал ржавый кусок проволоки. Он не стал его трогать.

Он сделал несколько шагов на открытом грунте, как условились. Остановился. Вернулся. Работа была до смешного мала, но в ней оказалось начало, продолжение и конец; вчера всё оборвалось раньше, чем успело начаться.

Наверх он попросился сам, не дожидаясь, пока Суханов предложит заканчивать.

На палубе было солнце. Пётр помог ему сесть. Фёдор открыл шлем и спросил, как он себя чувствует.

— Нехорошо, — ответил Савелий. — Но лучше вчерашнего.

— Где нехорошо?

Пришлось отвечать точно. Пока они говорили, Борис стянул мокрую от пота рубашку и развернул её на ветру. В нескольких шагах от них Ибрагим попросил Кузьму помочь с тяжёлой деталью. День продолжался без праздника по поводу того, что Неверов несколько минут простоял на дне.

Савелий впервые за утро обрадовался этому.

Второго спуска ему в тот день не дали. Он не стал добиваться. Помог Петру приготовиться, постоял у помпы, а после осмотрел вместе с ним шланг, неторопливо перебирая его руками. Молодой водолаз оказался разговорчивее, когда речь шла не о старшинстве.

Осенью ему пришлось два дня работать возле опоры, которую на поверхности считали целой. Под водой древесина расходилась под пальцами. Наверху не верили, пока он не принёс кусок.

— Потом спросили, зачем отломал, — сказал Пётр. — Может, держалась бы.

— Такие и кусок потом обратно забить велят.

Пётр засмеялся.

— Один почти велел. Сказал, не портить вид.

Савелий переставил бухту в тень. Он вспомнил десяток похожих разговоров и вдруг ощутил острую зависть: этот человек ещё не устал от того, что можно сделать хорошо. Он сердился, рассказывал, смеялся и хотел следующей работы. Савелию хотелось хотеть её так же.

Антонина приехала ближе к вечеру. Вместо своей папки держала свёрнутую бумагу с чертежом кормовой части «Завета». Савелий развернул её на ящике, прижал угол чашкой.

— Откуда?

— Уцелела копия у человека, который ремонтировал каюты. Ливен нашёл.

Чертёж был старый, с поправками от руки. Отмеченное помещение, где стояли ящики, располагалось рядом с кормовой кладовой, за узким проходом. На бумаге всё было открыто взгляду: переборки, дверь, сундук капитана, место под лавкой. В воде это могли скрывать обломки, груз и грязь.

Пётр наклонился с другой стороны.

— Здесь вдвоём не разойдёшься.

— Здесь и одному надо посмотреть, — сказал Савелий.

Антонина следила за его пальцем.

— Сможете туда войти?

Он не ответил сразу. Бумага лежала ровно, линия двери была тонкой и послушной карандашу. Ему захотелось сдвинуть чашку, закрыть чертёж и вернуть его хозяйке.

— Если сохранилось так, как нарисовано, через эту дверь я не пойду, — сказал он. — Не с тем, что у нас есть. Придётся открывать сверху или сбоку. Сначала увидеть. Может, уже открыто без нас.

Пётр кивнул.

— Переборку разбирать?

— Не решай по бумаге.

Антонина прижала второй угол ладонью.

— А если нельзя открыть?

— Тогда нельзя.

Он сказал это твёрже, чем чувствовал. Уже сейчас было трудно произнести отказ перед нарисованным помещением, полным денег.

Антонина забрала чертёж только после того, как они рассмотрели все пометки.

— Завтра поговорим об условиях, — сказала она.

— После воды.

— После воды.

На следующий день Савелий спустился с небольшой работой. Кустов выбрал у пристани затонувший кусок судового железа, который хозяева давно хотели убрать с прохода. Его положение заранее проверили; тащить его одному и вешать на себя никто не собирался. Требовалось осмотреть, расчистить место для стропы, передать наверх понятное указание и отойти перед подъёмом.

Это не было сходно с тесной кормовой кладовой. Савелий знал разницу и не позволял себе забывать её, когда всё получалось.

Под водой руки нашли дело. Он видел немного, остальное проверял на ощупь, останавливаясь всякий раз, когда поднимал лишний ил. Страх оставался. Временами он заслонял работу, и тогда приходилось просто ждать ответа Фёдора и собственного возвращения к тому, что находится перед ладонями.

Один раз Савелий понял, что потянул грузовой конец так, что тот приблизился к шлангу. Остановился, развёл их, изменил положение. Наверху никто не увидел этой маленькой ошибки. Её можно было потом не упоминать, сохранив удачный спуск целиком.

Он запомнил место.

Когда работа была готова, дал знать наверх и отступил. Железо ушло с грунта тяжело, подняв густую муть. Савелий не держался за груз и не полез следом. Дождался, пока наверху закончат подъём, и только потом вернулся к своему концу.

На палубе кусок железа выглядел ничтожным. Ржавый, кривой, облепленный грязью; его оттащили к борту, чтобы не пачкать проход. Кустов сказал, что за такую работу могли бы хотя бы расплатиться обедом.

Савелий сидел на скамье, пока Фёдор снимал с него тяжести, и смотрел на принесённую вещь. Впервые за два года он достал из воды то, за чем туда пошёл.

Пётр подал сухую рубаху.

— Как строп лёг?

Савелий рассказал. И о том, как сблизилась линия, тоже.

Молодой водолаз нахмурился, подошёл к месту, где грузовой конец проходил через борт, и показал рукой:

— Можно с этой стороны подавать. Когда вы от лестницы уходите, так свободнее будет.

Савелий представил расположение внизу. Пётр был прав.

— Попробуем так, — сказал он.

Фёдор продолжал работать, словно не заметил ничего особенного. Савелий был почти уверен, что заметил.

Доли делили вечером, сидя вокруг стола в тесном судовом помещении. Из-за нехватки места Егор устроился на ящике возле двери. Он был самый молодой, светловолосый, с вечно красными от жара глазами. Кочегар принёс с собой ломоть хлеба и старался жевать, когда говорили другие.

Антонина разложила бумаги. Рядом с ней лежал карандаш Кустова, короткий и обгрызенный; капитан дал его с просьбой не потерять.

О жалованье каждому уже говорили отдельно. Теперь она повторила главное при всех: обычная плата за работу остаётся и при пустом возвращении. Деньги на неё отложены в расходном расчёте; награда за золото идёт сверх этого.

— Из моей части, — сказала она. — Не вычитайте сами у Зайцевых. То, что я обещала вам, им не добавит нового долга.

Кустов кивнул. Савелий видел, как Борис подвинулся ближе к столу.

— Шесть ящиков, — продолжила Антонина. — Если все целы и всё вернётся, девяносто тысяч. Десятая часть — девять тысяч вам на всех. Не из восьми ящиков. Из тех шести, которыми я имею право заниматься.

— А если сперва чужой попадётся? — спросил Борис.

— Сохраним и предъявим владельцу. Что будет причитаться за такую работу, договоримся отдельно. Сейчас этих денег в обещании нет.

— Чужой тоже тяжёлый.

— Знаю. Но раздавать его я вам не стану.

Борис откинулся к переборке. Антонина взяла карандаш и записала общую награду двадцатью долями. Савелию — пять. Петру и Фёдору — по три. Капитану, машинисту и обоим матросам — по две. Егору — одна.

— Почему мне две? — спросил Борис. — Я воздух кручу не вполруки.

— Ты и под воду не идёшь, — ответил Кустов.

— А вы, Арсений Иванович, куда идёте? За судно вам уже заплачено.

Капитан выпрямился. Ибрагим убрал локоть со стола, освобождая место для будущей ссоры.

Антонина подняла голову.

— За наём судна — отдельно. Арсений Иванович получает долю за свою работу, как и остальные.

— Моей работы меньше?

— Я этого не говорила. Я предлагаю такие условия.

Борис посмотрел на Савелия.

— Пять.

Савелий положил ладони на колени.

— Да.

— А Пётр у нас тоже в воду ходит.

— Ходит.

Молодой водолаз молчал. Савелий почувствовал, что сейчас от него ждут благородства, которое устроило бы всех за его счёт. Он хотел эти деньги. Хотел столько, чтобы после возвращения не считать каждую неделю до следующего заказа.

— Мой опыт ей нужен, — сказал он. — За это пять.

Борис усмехнулся.

— Опыт мы видели.

Суханов резко повернулся, но Савелий опередил его:

— Видели. Я сегодня тоже видел, как ты к концу смены рукоять держал. Будем делить по каждому дурному часу — никто ничего не получит.

В комнате стало тихо. Антонина не стала благодарить его за ответ или одёргивать Бориса. Дала обоим помолчать, потом спросила Петра:

— Вас три доли устраивают?

— Устраивают, — ответил он. — Если работа как условились. Два водолаза, не один за двоих.

Савелий кивнул ему.

Ибрагим попросил прочитать ещё раз, что положено при болезни или травме. Антонина прочла: заработанная к тому времени награда сохранялась, дальше доли могли меняться только по новому общему соглашению. Расходы на необходимую помощь были предусмотрены отдельно от награды. Машинист попросил показать строку Егору; кочегар перестал жевать и наклонился над столом.

— Одна при полной удаче — сколько? — спросил он.

— Четыреста пятьдесят, — ответила Антонина.

Егор медленно сел обратно. Савелий впервые увидел, как бумажные доли действуют на человека, который ещё не научился скрывать этого.

Борис попросил карандаш. Подержал, ещё раз посмотрел на свою строку и подписал.

— Я просто спрашивал, — сказал он.

— Правильно делал, — ответила Антонина.

Они подписывали по очереди, мешая друг другу локтями. Кустов забрал карандаш прежде, чем тот успел исчезнуть. Фёдор попросил своё имя написать крупнее на копии, чтобы потом не искать очки, которых у него всё равно не было.

Савелий остался последним. Антонина подвинула к нему лист.

— Вы понимаете, на что соглашаетесь?

— Лучше, чем позавчера.

Она посмотрела на него и не улыбнулась.

— Я тоже.

Он подписал.

С берега «Касатка» казалась ещё меньше. В нескольких окнах горел свет; на палубе Фёдор укладывал вещи, которые нельзя было оставлять до утра. Савелий задержался у сходни, разглядывая судно уже как место, где ему предстояло жить.

Пётр вышел следом с пустой кружкой.

— Вы из-за моих трёх не думайте, — сказал он.

— Я не думаю.

— Думаете. У вас видно.

Савелий повернулся к нему.

— Что видно?

— Что хотите объяснить ещё раз.

Он рассмеялся. Пётр тоже улыбнулся, но не отступил.

— Мне три подходят. Я говорил, чтобы за двоих не пришлось. Это другое.

— Я слышал.

— Ну и хорошо.

Пётр вылил остаток чая за борт и ушёл. Савелий остался стоять, чувствуя странную неловкость: с него не потребовали ни унижительного признания, ни обещания невозможного. Молодой человек просто собирался работать рядом и хотел, чтобы это означало то, что было сказано.

Фёдор окликнул его с носа:

— Завтра свои вещи принеси. И тёплое бельё не забудь. Море твоей новой рубахой не восхитится.

— Знаю.

— Всё-то ты знаешь. А ел сегодня когда?

Савелий посмотрел на береговую улицу. Там ещё можно было купить ужин, зайти домой, сложить одежду, оставить хозяйке ключ от мастерской. Впервые за долгое время дел стало больше, чем помещалось в одном вечере, и ни одно из них не хотелось откладывать.

Он поднял руку Фёдору и пошёл к огням.

Глава 5. За выходом из Волги

Деньги Антонина получила через три дня после того, как люди подписали условия. Ливен пришёл сам. Он принёс известие об утверждении закладной, бумаги и перевязанную пачку, которая выглядела оскорбительно маленькой рядом с домом, поставленным за неё на кон.

Они пересчитали банкноты в гостиной, где уже не было большого стола. Пришлось сидеть у низкого столика и нагибаться. Ливен положил очки ближе к лампе, хотя день был светлый; Антонина чувствовала, что он не любит считать там, где локтям негде устроиться.

Три тысячи триста.

Она подписала расписку и задержала перо в пальцах. Последние дни были заняты ожиданием, мелкими платежами и тревогой, что одно из обещаний сорвётся раньше остальных. Теперь все обещания сошлись в этом месте. Можно было встать, взять деньги и уехать.

Ливен убрал бумаги.

— В Петровске адрес конторы у вас есть. Оттуда и пишите, если понадобится. Не рассчитывайте, что письмо на судно найдёт вас среди моря.

— Я понимаю.

— Понимаете. Поэтому повторю только один раз.

Он помог ей поднять тяжёлый кожаный саквояж. Внутри лежали деньги на ближайшие расчёты, бельё и маленькая коробка с иглами. Пакет бумаг Антонина убрала в отдельную папку. Остальные вещи уже унесли на судно. Она проверила, не забыта ли шаль, и вдруг увидела, что на столике стоит сестрина банка варенья.

Взяла её тоже.

В передней дверь открылась без труда: Василий прислал человека, и тот починил ручку, не взяв платы. Антонина машинально повернула её ещё раз, прежде чем выйти. Ливен ждал на ступенях с таким лицом, словно это тоже относилось к совершению сделки.

Мария встретила их у ворот. В руках у неё был бумажный пакет с пирогом; извозчик придерживал лошадь, которой хотелось отойти в тень.

— Не поднимусь с тобой на судно, — сказала сестра. — Я там всем начну мешать.

— Не начнёшь.

— Начну. Стану спрашивать, хорошо ли привязали. А они возьмут и покажут.

Антонина обняла её. Пакет оказался между ними и хрустнул. Мария отодвинула его, поцеловала сестру в щёку, потом ещё раз, уже сердито.

— Хоть на берег сойди, если совсем не можешь. Не надо из-за гордости.

— Сойду.

— Ты сейчас всё обещаешь.

— А ты сейчас всё прощаешь заранее. Не делай так.

Мария отступила, поправила ей воротник.

Ливен сел рядом с извозчиком; ему было по дороге до конторы. Антонина оглянулась, когда колёса покатались. Сестра стояла у открытых ворот, уже держа ключ. Дом за её спиной выглядел оставленным на несколько часов. Только голые окна гостиной выдавали, что поездка стоила дороже.

На «Касатке» не было торжественного ухода. Кустов дважды посылал за человеком, который задерживал последние припасы, потом велел отвязать судно, и тот успел прибежать только

потому, что матросы ещё не закончили. Ящик передали на палубу, поставщик потребовал подписи, капитан выругался и подписал, удерживая бумагу на спине Кузьмы.

Антонина стояла у двери своей каюты. Новый матрас уже лежал на койке. В замке торчал ключ с привязанной бечёвкой; она вынула его и убрала в карман юбки.

Люди двигались вокруг неё без прежней оглядки. Борис переносил снасть, Пётр притягивал брезент над снаряжением, Фёдор проверял укладку. Савелия она сперва не увидела. Потом он вышел из помещения у носа с деревянным ящиком в руках и остановился, пропуская Кузьму.

— Всё взяли? — спросила она.

— Всё нужное.

— Обычно потом оказывается иначе.

— Для того и порт по дороге.

Он улыбнулся. После первых спусков лицо у него оставалось усталым, но теперь в этой усталости было что-то домашнее, как у человека, который слишком долго собирался и наконец вышел. Антонина заметила, что рубаха на нём уже другая. Ей стало приятно, что она различает такую мелочь, и немного досадно на себя за это.

Откуда-то снизу донёсся голос Ибрагима. Кустов ответил, машина изменила звук, и судно начало отходить. Антонина успела увидеть на берегу мальчишку из мастерской Неверова. Он махал обоими руками; рядом стояла полная женщина с корзиной. Савелий поднял ладонь и держал её так, пока мальчишка не опустил руки первым.

— Ваш помощник? — спросила она.

— Митька. Будет говорить, что без него не справимся.

— А справимся?

— Ему скажу, что нет.

Берег медленно отошёл. Между судном и пристанью появилась полоса мутной воды, потом она стала шире, и уже ничего нельзя было передать из рук в руки. Антонина вдруг захотела позвать капитана, попросить подождать ещё немного. Не потому, что забыла вещь. Просто весь её прежний день — дом, сестра, контора, разговоры — остался там, а следующего пока не существовало.

Она не позвала.

«Касатка» повернулась к течению.

Первое время Антонина смотрела на берега. Склады, суда, крыши и трубы постепенно уступали место более низкой земле. На воде попадались длинные цепочки барж; рядом с ними их пароход казался маленьким и слишком самостоятельным. Кустов подолгу стоял у рулевого, разговаривая короткими фразами, которые Антонина слышала, но не умела связать в общее действие.

Река разделялась. Название Бахтемир она знала с детства, однако прежде оно оставалось словом в разговорах Алексея о задержках, грузе и проводке. Теперь это была вода, по которой они шли, камышовые края, повороты, на которых встречное судно появлялось слишком близко, прежде чем становилось ясно, что места достаточно.

Днём сделалось жарко. Антонина сняла жакет, потом снова надела: на открытом месте ветер быстро остужал спину. Она несколько раз пробовала сесть в каюте, но там всё дрожало. Чернильница ползла по столу, и пришлось убрать её в ящик между мягкими вещами.

После обеда Кузьма принёс корзину с оставшейся посудой. Готовили по очереди, пользуясь небольшой камбузной плитой; сегодня очередь была его. Похлёбка оказалась густой и сильно пахла лавровым листом.

— Я могу помочь, — сказала Антонина.

Кузьма посмотрел на тарелки.

— Помочь можете. Только это не из жалости надо. А то завтра Борис решит, что у нас человек для посуды появился.

Она засмеялась, взяла миску и прошла к приготовленной воде. Через несколько минут выяснилось, что обычное домашнее действие на судне требует свободной руки, которой нет: одной держишь, другой моешь, а корзина при движении палубы отъезжает к ногам. Кузьма молча подложил под неё свёрнутую тряпку.

Антонина хотела сказать, что сама догадалась бы. Не сказала.

К вечеру Ибрагим вышел наверх вытереть лицо. На лбу у него осталась тёмная полоска; он сел у борта, расстегнул ворот и какое-то время просто смотрел на воду. Антонина подошла с кружкой.

— Подшипник больше не греется?

Он принял воду.

— Так, как грелся, нет. Идёт хорошо.

— Арсений Иванович сказал, вы всё закончили.

— Закончил. Теперь слушаю.

Она присела на край ящика, держась за выступ.

— Вы отсюда до Петровска часто ходили?

— Ходил.

— А домой когда в последний раз?

Ибрагим поднял на неё глаза.

— Зимой. Жена теперь пишет, что без меня обувь дольше носится.

— Почему?

— Я покупаю хорошую и жалею в грязь надеть. Она ходит в своей куда нужно. Потом оказывается, моя ещё целая, а она босиком.

Он улыбнулся, и Антонина рассмеялась вместе с ним. Ей нравилась эта способность людей рассказывать о близких, не объясняя, хорошие те или трудные. До поездки каждый из них представлялся ей прежде всего нужным умением. Теперь у машиниста была жена, у Фёдора — коза, которой он ещё не владел, у Кузьмы — девушка, о которой он упоминал всякий раз, когда кто-нибудь портил ему чистую рубашу.

— Зухра в Петровске? — спросила она, услышав имя жены.

— Там. У сестры пока живёт. Зайду.

Он говорил без просьбы, но после паузы добавил:

— Когда работа позволит.

Антонина поняла, что могла бы сейчас великодушно разрешить то, чего он у неё не просил. Вместо этого спросила, что привезти с берега, если сама отправится за покупками.

Ибрагим подумал.

— Ничего. Я сам выберу.

Он вернул кружку и спустился вниз.

Ночью Антонина проснулась от непривычной тишины. Машина не работала. За тонкой стеной кто-то прошёл, скрипнула доска, потом до неё донеслось плескание.

Она села. В темноте каюта казалась меньше, чем днём. Дверь была рядом, но Антонина не сразу нащупала ключ: бечёвка зацепилась за подкладку кармана. Пока высвобождала её, успела вообразить поломку, мель, начало чего-то, что ей забыли сообщить.

На палубе горел огонь. Фёдор стоял у борта в накинутом пиджаке; под ногами у него лежало пустое ведро.

— Что случилось? — спросила она.

— Стоим.

— Почему?

— Капитан решил подождать до света. Там дальше тесно сейчас, встречные идут.

Она огляделась. В темноте виднелись чужие огни, отдельные от звёзд и слишком низкие. Вода была вокруг, а берег потерялся. Всё, что днём позволяло понимать расстояние, исчезло.

— Мне могли сказать.

Фёдор посмотрел на неё.

— Вы спали.

— Я наняла судно.

— Знаю.

Он не придал этому слову ни насмешки, ни согласия. Антонина почувствовала, что говорит не с тем человеком, и пошла искать Кустова.

Капитан отдыхал, не раздеваясь. Он выслушал её, сел, провёл ладонями по лицу.

— Полочки нет. Утром пойдём, как будет можно. Я не потерял вашу воду.

— Я прошу сообщать, когда мы останавливаемся.

— Сообщу. Только решать, идти мне в темноте или стоять, буду я.

— Я этого у вас не отнимала.

— Тогда всё хорошо.

Он ждал, пока она выйдет. Антонине хотелось продолжить разговор до победы, но нечего было добавить, кроме того, что она испугалась. На это капитан не обязан был отвечать виноватым видом.

Вернувшись к своей каюте, она увидела Савелия. Он сидел на перевёрнутом ящике и держал в руках тонкую верёвку, расправляя перекрутившиеся пряди. Возле него можно было стоять, не глядя в темноту через борт.

— Вы не спите? — спросила она.

— Спал. Проснулся.

Она прислонилась к перегородке.

— Я думала, что-то с машиной.

— Слышали бы.

— Я не знаю, что должна услышать.

Савелий отложил верёвку.

— Да. Не знаете. Извините.

Это простое исправление почему-то успокоило её больше капитанских объяснений. Она села на другой ящик, придерживая юбку.

Мимо тянулся невидимый береговой запах: тёплая земля, рыба, дым. Потом ветер изменился, и осталось только мокрое дерево судна. Антонина почувствовала усталость сразу во всём теле.

— Вы как после работы? — спросила она.

— Хорошо. Устал.

— Я тоже устала. Хотя ничего не сделала.

— Выехали. Это иногда труднее, чем приехать.

Он сказал без улыбки, и она не стала искать в словах особенный смысл. Просто сидела рядом. На другом конце судна негромко разговаривали; Кузьма смеялся так, будто ещё опасался разбудить кого-то более важного, чем капитан.

Антонина поднялась первой.

— Завтра мне скажут, когда пойдём, — сообщила она.

— Разбудят?

— Нет. Сама услышу.

Савелий кивнул. Она пошла в каюту, оставив дверь ненадолго открытой. Снаружи было легче дышать.

Море она узнала не по виду, а по движению.

Берега уже давно стали низкими и далёкими, вода расширилась так, что глаз перестал выбирать, куда смотреть. Но «Касатка» всё ещё двигалась знакомо, с речной уверенностью. Потом нос приподнялся, опустился, и палуба под ногами Антонины продолжила движение чуть позже, чем она ожидала.

Она ухватилась за борт.

Кустов проходил мимо и посмотрел на её руки.

— Теперь пригодится таз, — сказал он и пошёл дальше, не ожидая ответа.

Антонина хотела возмутиться. Через полчаса уже не хотела ничего.

Она лежала на новом матрасе, который казался самым бесполезным приобретением всей жизни. Койка двигалась вместе со стеной, стена вместе с потолком, и закрытые глаза не избавляли от этого. Стоило приподнять голову, как тошнота возвращалась. Из-за двери доносились шаги, человеческие голоса, даже смех. Невозможно было понять, как у людей сохранились силы для таких излишеств.

Кузьма постучал с едой. Она попросила унести. Позже Фёдор оставил воду и спросил, не позвать ли кого. Антонина покачала головой, не замечая, что он стоит за дверью и не может этого видеть.

— Не надо, — сказала наконец.

Время перестало делиться на часы. Оно делилось на минуты, когда можно было лежать, и минуты, когда приходилось тянуться к тазу. В один из таких промежутков Антонина подумала о сестре, которая могла бы сказать «я предупреждала», но вместо этого наверняка села бы рядом, убрала волосы со лба и велела поменять воду.

От этой мысли ей захотелось плакать.

К вечеру она заставила себя выйти. Савелий помог придержать дверь, потом отошёл, не предлагая руку раньше, чем она попросила. На палубе ветер ударил в лицо; оказалось холодно. Антонина села там, куда показал Фёдор, укрылась шалью и какое-то время смотрела в одну точку впереди.

Море было серовато-синим, с короткими ломкими гребнями. Никакой величественной картины, за которую стоило бы платить этим днём. Просто вода, слишком много воды, и небольшое судно, которое упрямо двигалось сквозь неё.

Борис принёс кружку, поставил возле её ноги.

— Пить будете — держите. Уйдёт.

Антонина взяла кружку обеими руками. Матрос ушёл, не оглянувшись. Сегодня ему не было дела до её прав на золото или до собственной доли: надо было, чтобы человек не оставил на палубе вещь, которая полетит под ноги.

Она присидела так до темноты. Постепенно смогла выпить немного, потом съесть кусок хлеба. Савелий оказался рядом, когда Кузьма принёс фонарь. Он сел на корточки, чтобы не говорить сверху.

— Получше?

— Не спрашивайте меня каждую минуту.

— Первый раз спросил.

Она посмотрела на него. Усталое лицо, ветер треплет ворот, на большом пальце свежая царапина. Он действительно спрашивал впервые.

— Простите.

— Ничего.

Он поднялся, но она удержала его за рукав.

— Побудьте. Только не спрашивайте.

Савелий устроился рядом, опираясь спиной на ту же переборку. Они сидели молча. Рука Антонины лежала на шали, совсем близко от его руки, и ей было приятно знать это, не двигаясь навстречу.

Через некоторое время он рассказал, что Митька тайком положил в его вещи большой гвоздь. Завернул в бумагу и написал: если там всё на золоте, менять на этот, он крепче.

Антонина засмеялась и тут же прижала ладонь ко рту.

— Не надо, — сказала она. — Мне ещё нельзя смеяться.

Савелий отвернулся, пряча улыбку.

За бортом вода коротко светилась в луче фонаря. До Петровска оставалась ночь и часть следующего дня. Антонина ещё не знала, сможет ли опять лечь в каюте, но впервые после выхода из Волги захотела увидеть, куда они придут.

Глава 6. Человек с другого борта

В Петровск вошли после полудня. Савелий стоял на палубе, пока море за кормой не стало отделяться от них молом. В гавани вода сразу изменилась: не перестала двигаться, но утратила настойчивость, с которой всё утро поднимала нос судна. Антонина вышла из каюты бледная, в застёгнутом до горла жакете, и долго смотрела на неподвижный берег.

Савелий не спросил, лучше ли ей. Она сама сказала:

— Я теперь понимаю тех, кто целует землю.

— Там грязно.

— Замечательно.

Порт пах угольной пылью, зерном, мокрыми канатами и чужой работой. Возле складов двигались люди с мешками, по рельсам медленно катили вагон. Над берегом виднелись крыши города и дальше — сухие склоны. Савелий смотрел на них с непривычным удовольствием. После плоской волжской земли даже невысокий подъём обещал, что можно куда-нибудь взойти и увидеть больше, чем с места.

Кустов занялся причалом и бумагами. Спускать сходню Антонина дождалась с терпением больного, которому уже показали лекарство, но ещё не дали взять. На берег пошла вместе с капитаном: нужно было предъявить документы, найти контору Ливенова знакомого и узнать, где живёт человек с «Завета».

Перед уходом обернулась к Савелию.

— Сначала только адрес. Завтра пойдём вместе.

Он кивнул. После её ухода команда как будто расправила плечи, хотя Антонина никому не мешала. Борис снял рубаху, Кузьма начал насвистывать, Пётр вытянул из-под брезента своё бельё. Обычное присутствие женщины заставляло их замечать за собой то, на что в мужской тесноте не обращали внимания.

Савелий хотел помочь Фёдору с просушкой вещей. Тот отмахнулся: сперва следовало убрать с пути ящики, принесённые в последнюю минуту перед уходом. Один из них стоял так, что возле помпы оставалось слишком мало места.

Они с Борисом перенесли ящик. Матрос отёр ладони и спросил:

— Ты её давно знаешь?

— С прошлой недели.

— Как и все, значит.

— А ты что думал?

Борис пожал плечами.

— Вчера вместе сидели.

Савелий посмотрел на него.

— Человеку плохо было.

— Я не говорю, что хорошо.

Матрос взял пустую корзину и ушёл на корму. Савелий остался возле ящика, злясь сильнее, чем стоило. Ничего между ним и Антониной не произошло. Однако произносить это перед Борисом не хотелось: прозвучало бы так, словно ему отказали в чём-то, на что он уже рассчитывал.

Он позвал Петра и принялся осматривать после перехода снаряжение.

Они работали больше часа. Исправленное соединение держалось, новое стекло было чистым. Фёдор сушил бельё в стороне, время от времени просил подать ему вещь и сердился, когда подавали другую. Судно постепенно превращалось из места перевозки в место предстоящей работы.

Голос с пристани Савелий узнал раньше, чем слова.

— Савва! А мне говорят — не он. Я говорю: Неверову можно лицо переменить, спину не переменишь.

Он обернулся.

Григорий Ланцов стоял у сходни с картузом в руке. Загорелый, крепкий, в светлой рубаше с хорошими пуговицами. Волосы на висках поредили, зато усы он отпустил шире, и лицо от этого казалось ещё увереннее. Рядом находился незнакомый человек с длинным парусиновым чехлом.

Ланцов улыбался так, как улыбаются тому, кого вправду рады увидеть.

Савелий пошёл к нему. До середины палубы ещё можно было выбрать, как встретить; ближе оставалось только протянуть руку.

Григорий пожал её и другой рукой взял Савелия за плечо.

— Живой. Похудел только.

— Ты потолстел.

— Значит, оба зря времени не теряли.

Он рассмеялся, отпустил плечо и поздоровался с Фёдором. Тот ответил без особой сердечности, но и без холода. Пётр выпрямился возле шлема, наблюдая за пришедшим.

— Не помешал? — спросил Григорий, уже глядя на помпу.

— Что тебе нужно?

— Тебя увидеть. Заодно с хозяйкой поговорить. Она здесь?

— На берегу.

— Подожду.

Ланцов поставил картуз на ящик. Человек с чехлом остался у сходни.

— Андрей, отнеси на «Кедр», — сказал ему Григорий. — Я после подойду.

Тот кивнул и ушёл. Ланцов проводил его взглядом, потом повернулся к Петру.

— Тоже наш человек?

Пётр назвал.

— Слышал. У свай осенью работал? Говорили, толковый.

Молодой водолаз не улыбнулся, но Савелий увидел, что похвала попала куда следует. Григорий всегда помнил о человеке одну полезную подробность. Иногда это было проявлением настоящего внимания; иногда — началом торга. Различить с первой минуты редко удавалось.

Ланцов присел на скамью.

— Вы к «Завету»?

— А ты?

— Туда же. Завадский нанял.

Григорий произнёс фамилию легко, словно сообщил, у кого остановился на ночь. Савелий посмотрел на Фёдора. Тот продолжал развешивать бельё.

— Давно здесь? — спросил Савелий.

— Второй день. Ждал человека, который обещал помнить место. Пока помнит в основном, сколько ему недоплатили после крушения.

— Полунин?

— Он самый. Вы тоже к нему собирались?

Савелий вспомнил фамилию из Антонининой папки и пожалел, что произнёс её первым. Впрочем, скрывать адрес единственного доступного свидетеля было поздно: Григорий уже побывал там.

— Собирались.

— Сходите. Может, вам расскажет что полезное. Мне за утро три раза переставил маяк. Фёдор повесил последнюю вещь и подошёл.

— Если рассказываешь, рассказывай точно. Человек мог смотреть с разных сторон.

— Вот потому я и хочу ещё послушать. Ты тоже приходи, Федя. Вдруг тебе он доверится больше.

— Я на «Касатке» работаю.

— Вижу. У тебя бельё везде одинаково висит.

Ланцов улыбнулся, но Суханов уже отвернулся. Савелию захотелось поблагодарить его за отказ и тут же стало неприятно, что он ждёт от Фёдора верности в разговоре, где ему пока ничего не угрожает.

Григорий поднялся.

— Пойдём пройдемся, пока хозяйка не вернулась. Покажу своё добро.

Савелий хотел отказаться. Вместо этого спросил:

— Далеко стоишь?

— Вон за теми.

Ланцов показал на два судна у соседней части пристани.

«Кедр» был шире «Касатки» и выглядел менее нарядно. Краска на борту облупилась, надстройка потемнела от дыма, зато рабочая палуба была свободной. Возле помпы стоял второй ящик. Под тентом виднелись телефонный прибор и аккуратно уложенный провод.

Савелий задержал на нём взгляд.

— Работает? — спросил он.

— А зачем бы я его возил? Вчера пробовали.

— Возят всякое.

Григорий не стал спорить. Позвал человека с перебитой бровью, попросил показать соединение. Тот принёс нужную часть, и они несколько минут говорили о вещи, которую оба понимали. Савелию стало легче: здесь можно было согласиться, не уступая ничего личного.

Человека звали Никитой Кречетовым. Он был моложе Савелия, но старше Петра, с тяжёлыми плечами и внимательными глазами. Руки держал так, будто даже без инструмента продолжал выбирать, за что удобнее взяться.

— Будем на одном месте работать, — сказал Ланцов. — Присмотритесь друг к другу заранее.

— Ещё найти надо, — ответил Никита.

— Найдём.

Кречетов убрал прибор. Григорий провёл Савелия к корме и показал грузовую снасть. Запасных концов хватало, деревянные прокладки для подъёма лежали связками. На «Касатке» всё нужное тоже имелось, но почти у каждой вещи было одно назначение и не было двойника.

— Богато, — сказал Савелий.

— Не бесплатно.

— Завадский расщедрился?

— Завадский умеет считать. Два ящика для него мало. Поднимем ваши — за работу заплатят. Так он рассудил.

Савелий повернулся к нему.

— У нас договор на свои.

— Разумеется. Я же не говорю, что завтра начну носить ваши деньги в его карман. Сначала поговорим. Море тесным от двух бумажек не станет.

Григорий принёс две кружки чая. Сели под тентом. На другом конце палубы Никита спорил с матросом о том, куда убрать цепь; звенья стукнули о доски, и оба одновременно понизили голос, увидев Ланцова.

— Ты когда последний раз ходил? — спросил Григорий.

Савелий поставил кружку.

— На этой неделе.

— Я не об Астрахани. В работу.

— Поднимали железо у пристани.

Ланцов посмотрел на него внимательно, без улыбки.

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Что ты опять начал. Хорошо.

Савелий почувствовал, что его злость пока не находит достаточного повода. Григорий не издевался. В его голосе было облегчение человека, который когда-то видел товарища в плохом состоянии и не знал, как тот живёт дальше.

— Сразу бы ко мне пришёл, — добавил он. — Вместе легче.

— Я сам нашёл работу.

— Кто спорит. Только здесь не пристань.

— Знаю.

Григорий помолчал, отпил чай.

— Помнишь, как мы после того сидели? Ты всё воду просил. Я велел не давать много разом, а ты меня ругал, будто я у тебя воду продал.

Савелий смотрел на свою кружку.

— Не всё помню.

— Лучше и не надо. А я помню. Думал, не вытащим.

В этих словах не было весёлой истории об укусе. Савелий поднял глаза. Ланцов смотрел на него прямо, и на короткое время исчезли чужое судно, телефон, Завадский, будущие деньги. Остался человек, который тогда всё-таки вернулся к месту, где его можно было потерять.

— Спасибо, — сказал Савелий.

Григорий поморщился.

— Сколько можно. Ты бы тоже пошёл.

Они сидели молча. Савелий почувствовал, как тяжело держать благодарность отдельно от всего, что пришло вместе с ней сегодня.

Ланцов первым отставил кружку.

— Хозяйка знает?

— Знает.

— Всё?

— Сколько нужно для работы.

Григорий кивнул.

— Ладно. Значит, с ней будет проще разговаривать.

Савелий встал.

— О чём?

— О совместной работе. О чём ещё? Ты сразу злиться начинаешь. Сядь, чай допей.

Но Савелий уже взял картуз. Он понимал, что Григорий мог спросить о прошлом из участия, мог — для будущего разговора с Антониной. Скорее всего, обе причины были настоящими, и выбрать одну удобную не получалось.

Антонина вернулась на «Касатку» раньше них. Сидела у стола на палубе, просматривала полученные бумаги. Возле её ноги стоял небольшой мешок с покупками. Ибрагим в чистой рубаше собирался на берег; Кустов что-то напоминал ему про завтрашнее утро.

Увидев Ланцова, капитан замолчал.

— Григорий Степанович, — представился тот Антонине. — Мы с вашим мужем встречались. Хороший был человек.

— Вы работали у него?

— Один раз помог с людьми. Не вышло тогда большого дела, но дурного не осталось.

Антонина предложила сесть. Савелий остался рядом с Фёдором, который разбирал у борта мелкую снасть. Ему не хотелось стоять над разговором, однако уйти было ещё труднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.